

Священник Владимир Стасюк¹

Воспоминания современников о заслуженном профессоре МДА А.П. Шостыине (1862–1916 гг.)

В воспоминаниях представлены встречи заслуженного профессора и инспектора МДА Александра Павловича Шостыина (+1916) и Николая Васильевича Левкоева, студента МДА в 1908–1912 гг. Профессор характеризуется как добрый и отзывчивый человек. Представлены небольшие зарисовки из жизни Московской Духовной Академии начала XX века. Публикация осуществляется впервые и приурочена к 100-летней годовщине кончины инспектора.

Ключевые слова: Шостыин, профессор, инспектор, Сергиев Посад, МДА, вступительные испытания.

11/24 января 2016 года исполняется 100 лет со дня преставления заслуженного профессора и инспектора МДА Александра Павловича Шостыина. Он родился 23 мая 1862 года в городе Касимове Рязанской губернии в семье диакона, а позднее священника Павла Иларионовича Шостыина². Александр закончил Касимовское духовное училище, Рязанскую духовную семинарию. В 1881 году он поступает в МДА, которую закончил в 1885 году со степенью кандидата богословия. Его оставляют профессорским стипендиатом, и в 1890 году Александр Павлович становится магистром богословия. Тема его диссертации: «Источники и предмет догматики по воззрению католических богословов последнего

---

¹ *Священник Владимир Стасюк* – кандидат богословия (МДА), проректор по учебной работе и заведующий кафедрой богословия Перервинской православной духовной семинарии. Адрес для корреспонденции: 109383, Россия, г. Москва, ул. Шоссейная, 82. E-mail: prog@ppds.ru

² Шостыин Павел Иларионов 1819†1877. Священник кладбищенской церкви г. Касимова (с 1868 г.). Умер (1876/77, №17). История и генеалогия. Библиотека знаний. URL: <http://m-rodoslovnay.narod.ru/index/0-356> (дата обращения: 09.08.2015).

полустолетия». С 1883 года – доцент кафедры Пастырского богословия и педагогики. Преподавательская и учёная деятельность Александра Павловича продолжается вплоть до самой кончины в январе 1916 года³. Он был одним из немногих светских инспекторов МДА (1907–1912 гг.), выбранных из числа лиц, не имеющих сан⁴. Воспоминания о профессоре были написаны вскоре после кончины одним из его бывших учеников – Николаем Васильевичем Левкоевым, студентом МДА LXVII курса, кандидатом богословия, проходившим обучение в академии в 1908–1912 гг.⁵ После смерти Александра Павловича он прислал свои воспоминания вдове и детям профессора. Воспоминания из архива дочери Ариадны Александровны Шостьиной публикуются впервые⁶.

³Шесть его статей опубликованы в сети Интернет. См.: Шостьин А.П. Краткая биографическая справка // Богослов.RU: Научный богословский портал. URL: <http://www.bogoslov.ru/bv/text/38155/index.html> (дата обращения: 25.08.2015).

1. Магистерский диспут: *Попов Н.Г.* Император Лев VI Мудрый и его царствование в церковно-историческом отношении. М., 1892. // Богословский вестник. 1893. Т.2. № 6. С. 535–545.

2. Магистерский диспут: *Ильинский Н.И., свящ.* Синтагма Матфея Властаря: Исслед. М., 1892. // Богословский вестник. 1893. Т.2. № 6. С. 545–553.

3. Магистерский диспут: [*Глаголев Д.С., свящ.* Второе великое путешествие св. апостола Павла с проповедью Евангелия (Деян. 15, 40–18, 22): Опыт историко-эзегетического исследования. Тула, 1893] // Богословский вестник. 1893. Т.4. № 10. С. 138–152.

4. Личность в иезуитизме: По поводу выхода графа Генсбреха [=P. Nonsbroech] из ордена иезуитов. // Богословский вестник. 1894. Т.1. № 1. С. 100–108.

5. Нравственно-воспитательное значение музыки, по воззрениям Платона и Аристотеля: [Актовая речь]. // Богословский вестник. 1898. Т.4. № 10. С. 48–74.

6. Зачем блуждать?: Размышления по поводу предполагаемой реформы нашей средней школы // Богословский вестник. 1902. Т.1. № 4. С. 788–807.

⁴Святейший Синод от 21 февраля 1906 года определил поправки к академическому уставу 1884 года, которые давали академиям значительную степень автономии: «В частности: выборность ректора и инспектора...» Голубцов С., диакон. История МДА (1900–1919 гг.) Загорск, 1977. Т. 1. С. 22.

⁵Выпускники Московской духовной академии 1818–1916, 1918–1919 гг. Петербургский генеалогический портал. URL: <http://www.petergen.com/bovkalov/duhov/mda.html> (дата обращения: 09.08.2015).

⁶Более подробно о жизни и деятельности проф. А.П. Шостьиной можно прочитать: Нить Ариадны. Воспоминания А.А. Шостьиной // Встреча: ежеквартальный студенческий правосл. журнал МДАиС и Межд. Фонда единства правосл. народов. 1999. № 1(10). С. 24–25.

Н.В. Левкоев

Нечто из воспоминаний об Александре Павловиче Шостыине⁷

«Несколько дней тому назад я получил из Сергиевского Посада печальную для меня весть о кончине дорогого и незабвенного Александра Павловича. Тяжёлый недуг уложил в постель крепкого телом и душой Александра Павловича ещё в бытность мою в академии. Это было уже не менее четырёх лет тому назад. Болезнь то утихала, то снова давала о себе знать. Одно время Александр Павлович даже как будто поправился.

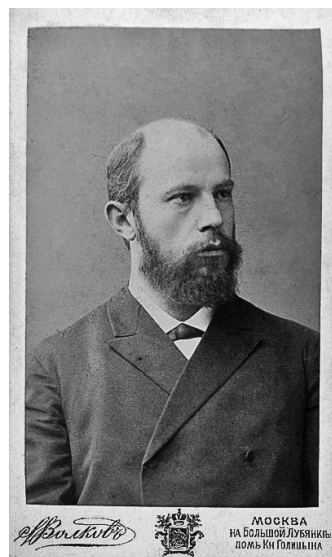
Каждый раз посещая Посад, а это было регулярно каждые Рождество и Пасху, я неизменно навещал своего учителя. Первый вопрос всегда был после взаимных приветствий: «Как Вы себя чувствуете, Александр Павлович?» И почти всегда приходилось слышать: «Плохо, Николай Васильевич. Утекли мои годы, моё здоровье».

«Даст Бог, поправитесь ещё».

«Нет, уже чувствую, что песенка моя спета».

Четыре года подряд приезжал я в Посад, видел Александра Павловича и больным, и здоровым, и не верилось, что этот крепкий и могучий организм так скоро разрушится. Думалось, вот ещё немного, и поправится, вот весна придёт, лето наступит, выздоровеет.

Последний раз я видел Александра Павловича в этом году на Рождестве. Зашёл вечером, молодежь играла в карты, присутствовал и Александр Павлович. Но только присутствовал, неистощимая веселость, так раньше отличавшая его, теперь

Заслуженный профессор
и инспектор МДА
А.П. Шостыин (+1916)

⁷Пунктуация приведена в соответствие с современными нормами русского языка.

покинула его совершенно. Он осунулся и похудел. В глазах отражалась грусть. О чём он, бедный, думал в эти минуты?

Теперь его не стало. Странно и дико. А более всего грустно становится, как мысленно представишь себе, что вот приедешь в Посад, и нет Александра Павловича. А на Пасхе я ещё надеялся увидеться с ним, хотя и тогда мне бросились в глаза его сильные слабость и изнурённость.

Что же, Царство ему Небесное и вечный покой!

Мне не хотелось бы помянуть его только как хорошо знакомого профессора, мне хочется вспомнить его как доброго человека, с тёплой душой, участливого к положению чужих для него людей. Постараюсь припомнить своё первое знакомство с Александром Павловичем, послужившее цементом для более близких отношений. Почти восемь лет прошло со времени окончания мною семинарии. После весьма поверхностных размышлений я решил попытаться счастья поступить в академию. Хотя и смутно, но сознавал, что мой семинарский багаж весьма малого количества и, ещё горше того, весьма сомнительного качества. Итак, решил ехать. Представлял себе академию по меньшей мере обетованной землёй, готовой принять с распростёртыми объятиями всякого странника и скитальца. Посему, отложив в сторону благие предупреждения моей бабушки относительно недостаточности наших ресурсов, обнадёжил её, что там «под каждым листком мне будет готов и стол и дом». Взял с собой всего-навсего 10 рублей, считая в этой сумме и проезд по железной дороге до Сергиева – 3 рубля 50 копеек. По приезде являюсь к Александру Павловичу, тогда он был инспектором академии. Докладываю о своей персоне. После официальных вопросов и ответов с той и другой стороны Александр Павлович справился о моём семейном и имущественном положении. И весьма удивился моему представлению, что приехавшие на испытание пользуются казённым столом и помещением.

– Надо внести эконому 15 рублей за стол и квартиру за две недели Вашего пребывания в академии.

Я тогда такой суммы и не видывал. Наивысшей цифрой тогда были у меня 10 рублей.

– А если я внесу деньги, а у меня сейчас такой суммы и нет, да потом не выдержу экзамены, на что же я потом поеду домой?

Этот вопрос озадачил Александра Павловича:

– Неужели у Вас не найдётся 15 рублей?

– В том-то и беда, что ни у меня, ни у бабушки такой суммы нет, и взять негде.

– Тогда Вы дайте подписку в том, что к 1 сентября внесёте 15 рублей.

– И этого сделать не могу, – отвечаю. – Подписку я дать могу, но деньги внести не в состоянии.

– Уж я не знаю, как и быть с Вами. Может быть, Вы внесёте хоть часть?

– Часть я внести могу. Но только мне надо оставить на всякий случай на дорогу, вдруг не выдержу?

– Тогда Вы сходите к эконому, может быть, он согласится взять с Вас часть денег.

Я пошёл с надеждой к эконому. Самый ход разговора меня ободрил, думаю, «есть ещё добрые люди». Эконом в то время был иеромонах Иринарх, он произвёл на меня крайне неприятное впечатление.

– Здесь у нас не странноприимное, не имеете денег, нечего было ехать сюда.

Таков был ответ на мою просьбу.

Я вышел от эконома совершенно подавленный. Являюсь снова к Александру Павловичу.

– Что, как?

– Плохо, – говорю, – эконом не согласен.

– Что же теперь Вы намерены предпринять? Где Вы остановились?

– Остановился, – говорю, – в академии, в двадцатом номере. А теперь прошу Вас, позвольте мне хоть ночевать в академии. Относительно стола как-нибудь подумаю.

– Ну, хорошо.

Вышел я от Александра Павловича с невесёлыми мыслями, иду, понуриив голову.

– Ба, ба! Кого я вижу, – раздался над самым моим ухом чей-то голос. Гляжу, какой-то студент. – Не узнал?

– Нет, – говорю.

– Припомни-ка, я был регентом в семинарской церкви. Я помню, как ты влезал на стол и ораторствовал в семинарской столовой в 1905 году, когда мы составляли в Синод петицию.

Теперь и я вспомнил.

– А, так это Вы, Василий Павлович⁸!

– Он самый! Что это ты на квинту вниз нос повесил?

– Да, повесишь. Ведь вот какая история со мною случилась.

И я рассказал ему, что со мной произошло.

– Э, вот оно что. Ты вообразил, что приехал в семинарию из духовного училища, ну, брат, шалишь. Здесь не то. Здесь надо иметь самостоятельность. Однако, как ты решился со столом быть?

– Право же, не знаю. Придётся в харчевню идти.

– И думать брось. Расстройство желудка наживёшь, а может, и хуже что. Вот что. Пойдёшь обедать в студенческую столовую.

– Да ведь неловко, я ведь Александру Павловичу сказал, что столоваться буду на стороне.

– Не бойся ничего, если Александр Павлович и застанет тебя в столовой, то всё равно ничего не скажет, не покажет виду, он очень хороший человек.

Последний аргумент победил моё сопротивление, и я решил последовать совету товарища. Хожу день, хожу другой, прошла почти неделя. Вдруг вызывают меня и ещё двоих братьев Р. к эконому.

– Вы что же денег не вносите? – грозно меня вопрошает эконом.

– Денег, – говорю, – нет.

– Тогда Вы из академии уходите.

---

⁸ Воскресенский Василий Павлович (Владимирская епархия), выпускник LXV курса МДА (1906–1910 гг.). Утверждён в степени кандидата богословия – 25 февраля 1911 года // Выпускники Московской духовной академии 1818–1916, 1918–1919 гг. // Петербургский генеалогический портал. URL: <http://www.petergen.com/bovkalov/duhov/mda.html> (дата обращения: 09.08.2015).

На это я смолк и вышел. И так в этот раз мне не хотелось идти в столовую, не потому что, чтобы не хотелось есть, а потому, что должно совершиться что-то не совсем ладное. Не послушался я своего «демона» и пошёл. Было как-то не по себе, хотелось скорее встать из-за стола и уйти. Может быть, я так бы и сделал, как вижу в глазах моих потемнело: идёт Александр Павлович. Я готов был провалиться сквозь пол, только не попадаться ему на глаза. Гляжу, подходит ко мне. Пропал, думаю, скандал выйдет. О, Господи! Наклоняется ко мне и тихо шепчет на ухо: «А подписочку Вы всё-таки дайте», и отошёл, как ни в чём не бывало. Плохо помню, как кончился обед, как вышел из-за стола, догнал Александра Павловича и стал бессвязно извиняться. Написал я расписку и говорю, что всё-таки не ручаюсь, что внесу деньги, и обещал написать домой письмо относительно финансового кризиса.

Больше меня не тревожил ни эконом, ни призраки мятущейся совести.

Из дома пришло письмо, но без денег. Я его показал Александру Павловичу. В письме было сказано от лица бабушки: «сребра и злата нет у меня, а что имею, даю тебе. Восстань духом и держи смело экзамены».

Александр Павлович сочувственно улыбнулся и отослал меня с миром. Экзамены мои шли хорошо, так что коллеги даже дивились, что выхожу отвечать почти не готовясь. Немного не срезался было по церковной истории у А.А. Спасского. Прошло. Наступил последний экзамен – догматика. Перед экзаменом меня вызывают к инспектору. Иду.

– Здравствуйте, Александр Павлович!

– Здравствуйте. Ну, как Ваши дела с экономом?

– Шесть рублей, – говорю, – внёс ему, а больше у меня нет. И так не на что домой ехать будет.

– Ну, Бог с тобой!

Махнул рукой, повернулся и ушёл.

Сначала я не понял, в чём дело. Но потом готов был ему в ноги поклониться. В самом деле для меня и три рубля в то время были деньги. Ведь я ожидал, что я обязательно провалюсь и поеду до-

мой ни с чем. Но более всего меня обрадовало то обстоятельство, что в тяжелую для меня минуту начальник оказался не сухой и бессердечный формалист, а добрый и сочувствующий чужому положению человек. После этого и академия мне перестала казаться Бастилией со своими тяжёлыми и мрачными стенами, возбуждавшими какое-то гнетущее настроение. Через неделю я уже знал, что принят в академию казённокоштным студентом. Усилия мои увенчались успехом, я с удовольствием отдался академическим занятиям. Учебный год прошёл во всех отношениях отлично.

На следующий год мне захотелось перетянуть в академию и брата⁹. Последний согласился и стал готовиться. Но подготовка оказалась слабоватой, конкурс ли был очень тяжёлым, только братец мой «провалился» по церковной истории у того же А.А. Спасского. С волнением ожидали мы результатов испытаний. Фамилии за фамилиями мелькали в списках и ждали, не появится ли N.N.? Напрасно. «Отказано в приёме таким-то и, в том числе, имярек». Даже «лякрицу» пустил братец, хотя сначала относился к своей поездке несколько индифферентно.

Как быть, чего предпринять? *Viribus unitis*¹⁰. Стали обдумывать создавшееся положение и изыскивать способы как-нибудь вывернуться. Но ничего не выходило. Предлагал было я остаться в академии на год вольнослушателем, но уже очень казалось обидным пробыть на одном и том же курсе два года. Как раз в этом 1909 году льготные правила для вольнослушателей были отменены. Выплыл на свет Божий и другой проект: ехать в Тулу и проситься хотя бы в псаломщики у опального в то время бывшего ректора академии преосвященного Евдокима¹¹ как общего земляка. Но и этот проект пришлось оставить ввиду явной его несостоятельности. Наконец, решено было просто ехать домой, проситься куда-либо в учителя, а через год опять произвести атаку на неподатливую

⁹ Левкоев Владимир Васильевич (Владимирская епархия, принят в число студентов I курса по определению Совета Академии от 11 ноября 1909 года, с утверждения Его Высокопреосвященства) // Петербургский генеалогический портал. URL:<http://www.petergen.com/bovkalov/duhov/mda.html> (дата обращения: 09.08.2015).

¹⁰ Соединёнными усилиями, лат.

¹¹ Мещерский, позднее обновленческий митрополит (+1935).

академию. Стали уже укладывать вещи в корзину. Тут меня осенила мысль, я говорю брату: «Вот что. Сходи-ка к Александру Павловичу, он всегда к нам, студентам, добр и участлив. Спроси его, не посоветует ли он тебе что-либо, может быть дело ещё можно поправить?» В душе я не имел никакой надежды на благополучный исход дела. И с невесёлой душой в голове увязывал корзину верёвками, приготовляя её к дальнему путешествию. Долго я путался с ней и, наконец, увязал и стал ждать возвращения брата. Его отсутствие показалось мне несколько продолжительным. Я начал опасаться, что он может опоздать на дневной поезд.

Наконец, услышал я быстрые шаги брата и насторожился. Влетает бомбой. И физиономия по меньшей мере как у именинника.

– Ну, что? – был мой первый вопрос.

– Остаюсь, – был ответ.

– Ну, рассказывай, – говорю, чувствуя, что моя физиономия готова расплыться в радостную улыбку. – Как и что?

– Пришёл я, – начал он своё повествование, – к Александру Павловичу.

«Что скажете, Владимир Васильевич?» – спрашивает.

Я начал описывать своё положение самыми мрачными красками. Упомянул о проектах наших и, наконец, сказал, что прежде своего отъезда решил просить его совета и на нём окончательно уже остановиться. Пока я говорил, Александр Павлович молчал и, как это обычно с ним бывало в затруднительных случаях, тяжело вздыхал. Когда я кончил, Александр Павлович глубоко вздохнул и произнёс: «Вот что, Владимир Васильевич, я Вам скажу: ни в Тулу, ни домой я ехать Вам не посоветую. Правда, прискорбно остаться вольнослушателем на год при академии, но всё-таки это будет наименьшее зло. Я бы Вам ещё бы и так посоветовал: сходите к преосвященному¹². Правда, про него говорят, что он человек сухой, формалист, но мне думается, что это не так. Я уверен, что он войдёт в Ваше положение и даст Вам добрый совет. Сходите-ка к нему. Теперь как раз приёмный час».

¹² Тогда ректором академии был только что назначенный епископ Феодор (Поздеевский).

Я поблагодарил Александра Павловича и тотчас же поспешил к преосвященному. Через несколько минут я был принят и внимательно выслушан.

– Конечно, Вам лучше всего остаться в академии, – сказал преосвященный. – По крайней мере год у Вас даром не пропадёт. Вы будете пользоваться богатой академической библиотекой, будете посещать лекции, писать сочинения, познакомитесь с профессорами и их требованиями. И наконец на следующий год уже сможете смело держать экзамены. Это всё же лучше, чем лишний год пробыть учителем или дьячком и затем с такими же шаткими шансами держать экзамены, как и в нынешнем году. Наконец, среди учебного года может оказаться свободная вакансия, и Вы сможете попасть в число действительных студентов, а уже в материальном отношении, самом для Вас тяжёлым, как-либо проколотитесь.

Итак, вопрошаю: «Остаёшься?»

– Остаюсь.

– Ну и отлично!

И я стал развязывать корзину.

Теперь возник другой, не менее серьёзный вопрос: как быть с квартирой и столом? «Квартира» была вскоре найдена за 4 рубля в месяц. Но стол?

Первую неделю Александр Павлович разрешил брату столоваться в академии, а дальше? Тогда я решился на крайнюю меру. Как раз в первых числах сентября я стал «союзником» незабвенного Прохора Павловича Даниленко¹³ в его трудах по школе-приюту святого Алексия при академии. В то время я всё чаще и чаще стал там оставаться ночевать. Приходилось иногда и ужинать, и обедать вместе с ребятами. Тогда уже академический стол мне был не нужен, и я своё место уступил брату. Так прошла ещё неделя, другая, третья. Замечаний от начальства нет. Ну, думаю, ладно, как-нибудь просуществуем, хоть контрабандой. Но «шила в мешке не спрячешь, конец всё торчать будет». Как-то подзывает меня однаж-

---

¹³ Тоже студента академии.

ды помощник инспектора Н.Г. Высоцкий: «У Вас есть на первом курсе брат-вольнослушатель?»

– Есть, – говорю.

– Как же он столуется в академии?

– А что же, – говорю, – прикажете делать? Да я и так уже уступаю ему место, так что особого преступления нет в этом.

– Нет, знаете, неудобно. Пойдут разговоры, дойдёт до преосвященного. Нехорошо, пожалуй, выйдет. Вы лучше спросите инспектора, что он Вам скажет?

Опять пришлось беспокоить Александра Павловича. Рассказываю ему, в чём дело. Слушал, слушал он и потом махнул рукой: «И зачем Вы мне всё это говорите? Смотрели бы мы на всё это вот так». И он показал мне свою широкую ладонь.

– Ничего, – говорю, – не поделаешь, необходимость заставляет, Александр Павлович.

– Ну, хорошо, я об этом поговорю с преосвященным.

Не знаю, что он говорил, но только результат сказался: брат прочно занял своё положение. А потом вскоре и другая радость случилась: освободились на первом курсе две вакансии. Александр Павлович предупредил брата, что времени терять нечего, надо подавать прошение в совет академии о зачислении в студенты. 2 декабря 1909 года брат был уже действительным студентом, пользующимся правами чуть ли не казённокоштного. Это был действительно исключительный случай.

Многое забылось из прошлого, многое стёрлось и затушевалось, но эти два факта точно гвоздями вколочены в мою память, и пока я буду жив, не забуду их. А вместе с ними и тех добрых людей, которым мы обязаны своим настоящим положением. Мир праху твоему, добрый, сердечный человек. Ты умер, но жив твой образ, жива твоя доброта. Она-то и будет нам путеводным огнём в нашей жизни. Спасибо сердечное тебе, что, занимая высокий и ответственный пост, ты не прошёл мимо «меньших» твоих братьев. Что было в силах твоих, всё сделал для них. Мы не можем воздать тебе равным за равное, но пока живёт Бог в сердцах наших, твоё имя не будет забыто.

Окончание

Между прочим, сам Александр Павлович впоследствии никогда ни одним словом не намекал нам с братом о том благодеянии, которое оказал нам в трудные минуты жизни. Зато тем глубже и сильнее чувствуется его деликатность и доброта. Мир его праху!

Январь 1916 года.

Источники и литература

1. Выпускники Московской духовной академии 1818–1916, 1918–1919 гг. // Петербургский генеалогический портал. URL: <http://www.petergen.com/bovkalov/duhov/mda.html> (дата обращения: 09.08.2015).
2. *Голубцов С., диакон.* История МДА (1900–1919 гг.). Загорск, 1977. Т. 1. С. 22.
3. История и генеалогия. Библиотека знаний. URL: <http://m-godoslovna.narod.ru/index/0-356> (дата обращения: 09.08.2015).
4. *Стасюк В.* Нить Ариадны. Воспоминания А.А. Шостьиной // Встреча: ежеквартальный студенческий правосл. журнал МДА-иС и Межд. Фонда единства правосл. Народов. 1999. № 1(10). С. 24–25.
5. *Шостьин А.П.* Краткая биографическая справка // Богослов.RU: Научный богословский портал. URL: <http://www.bogoslov.ru/bv/text/38155/index.html> (дата обращения: 25.08.2015).